Глава 5. Продолжайте думать и преодолевайте это

— Думаю, — пришёл голос Маки-тян, — ты износил себя.

— Неправда, — сказал я, — просто многое произошло.

Такая жизнь была ужасной. Сколько тысяч лет я прожил до сих пор?

Правда, всё-таки, сколько их было? Сколько сотен, тысяч, миллионов лет?

Как долго я всё время трачу впустую?

После того, как все эти века и эпохи перемешивались со временем, вывод, к которому я пришёл, заключался в том, чтобы уничтожить себя так, чтобы достичь совершенства.

Почему из всех людей кнопка перезагрузки жизни досталась мне?

— Это было твоё сильное желание, — сказала Маки-тян. — Я хотела помочь тебе предоставить это желание.

— Та ещё неправда, — возразил я. — Я никогда не мог стать идеальным, как мой брат.

Я чётко загадал его, но это желание было далеко вне моей досягаемости. Это было желание, с которым я никогда бы не справился.

Ну, что угодно.

— По крайней мере, я нашёл свой ответ.

— Не так быстро, — снова раздался голос Маки-тян. — Ты же знаешь, это ещё не конец игры.

Эта новая игра с бонусным дополнением где я был непобедим?

— Нет, такая жизнь была ужасной. Она была худшей из худших.

Маки-тян тоже знала об этом… хотела ли она предупредить меня… или она действительно такая невинная и наивная?

— Это не новая игра, это продолжение. — сказала она, невероятно невинным голосом.

У меня сложилось впечатление, что кто-то ругал меня.

Отодвинув эту мысль в сторону, я попытался отбросить шум, который мелькал перед моим лицом. Я поднял правую руку наотмашь, примерно на уровне глаз, и протянул её слева направо. Приложил усилие, включая силу чтобы подвигаться, но я не видел абсолютно никаких доказательств того, что я двигался. На самом деле не было даже ни малейшего чувства, что моя рука двинулась.

Постойте-ка… Я поднял руку, а могу ли я вообще сказать, что поднял руку? Стою ли я? Я лежу? Может быть, даже перевёрнут?

Могу ли я почувствовать какие-то ощущения?

— … …то-кун, Юто-кун… …

Я услышал голос. Я услышал звуки. Я мог понять, что воспринимаю звук. То, что до меня дошло, так это то, что я могу слышать звуки, я понял, что сейчас я… ну, я не уверен, что я пытаюсь сказать.

— … … Эх… это ужасно… … эта жизнь… …

Те слова, которые я произнёс, были теми словами, которые непрерывно кружились в моём разуме долгое время.

Таким образом, я мог слышать, и я мог говорить.

… О, это означает, что я жив?

— Юто! Я слушаю! Юто!

— Не волнуйтесь, ничего плохого, мисс Хасидатэ. Он просто пришёл в себя, и у него могут возникнуть проблемы с сортировкой его воспоминаний, но это будет временно. Он вернётся в нормальное русло, прежде чем вы это узнаете.

— Я не могу отблагодарить вас, доктор! Он будет в порядке, так?

— Он чудом не получил серьёзных внешних ран. Просто некоторые незначительные кровоподтеки на руках и небольшое сотрясение мозга. Я бы посоветовал сделать некоторые исследования на голове, чтобы быть осторожным.

О ком они говорили? Голос звучал так же, как у моей мамы, но опять же, это было не совсем похоже на неё, насколько я мог судить.

Когда этот парень сказал «ничего плохого», он имел в виду меня? Я также мог слышать и говорить, а этот парень, который, очевидно, был врачом, сказал «ничего плохого», и, а-а-а, вот значит что. Но в любом случае, я не мог понять, почему я не мог пошевелить руками.

В конце концов, я пришёл к туманному осознанию того, что я лежал на спине, но я знал о том, что мой мозг не мог справиться с каким-либо прикладываемыми усилиями.

Я был жив.

Как только мысль пришла мне в голову, казалось, что петля беспокойства ослабела, и я снова погрузился в глубокий сон.

Когда мои глаза распахнулись, я обнаружил, что утром на меня нападают со всех сторон. Я повернул голову, чтобы хорошо взглянуть на моё окружение. Оказалось, что я был в больничной палате, маленькое пространство, освещённое утренним солнцем просачивающееся сквозь занавески.

Я услышал стук в дверь. Кем бы они ни были, они открыли дверь, не дожидаясь моего ответа, и весь цвет моментально выбежал из мира. Человеком, стоявшим в дверном проёме, была девушка в белом халате.

— Доктор Маки-тян здесь!

— А я-то уже подумал…

— Не чувствуешь себя слишком хорошо, не так ли, мне дать тебе инъекцию, чтобы ты чувствовал себя лучше?

— Мои инстинкты говорят, чтобы я спасал себя, так что нет, спасибо, обойдусь.

Маки-тян стояла у койки, глядя на меня сверху вниз.

— Ты сделал что-то глупое, да? — она сказала это как обвинение.

— Ты меня спасла?

— Конечно, нет, — ворчала она. — Зачем мне делать что-то вроде этого?

Теперь она нацепила яркую улыбку.

— Юто, ты упал прямо посреди железнодорожных путей~ ты так быстро улёгся, что шокировал меня на всю жизнь, а поезд загудел прямо перед твоим телом~ Но ты в порядке. Единственные травмы, которые ты понёс, находятся на твоих руках и голове, из-за непосредственного падения на рельсы. Так как ты ударился головой, они проверили на тебе обследование, но ты в порядке. Сейчас с тобой нет ничего плохого.

— Ничего плохого…

— Агась. Твой маленький прыжок в бездну на данный момент не возымел последствий. Ты так старался, чересчур.

— А что насчёт кнопки перезагрузки…?

— Она всё ещё здесь, ты всё ещё можешь использовать её, но только если хочешь.

— Эй, Маки-тян, почему ты решила дать мне кнопку перезагрузки?

Я задал тот же вопрос, который задавал во сне раньше… хотя действительно ли это был сон или нет, я не мог сказать.

— Ну, потому что у тебя было сильное желание.

Это был тот самый ответ, который я получил раньше. Но в отличие от последнего раза, она продолжила:

— Мой вид способен существовать из-за сильных желаний, которые люди питают.

— Что ты имеешь в виду?

— Желания людей, самые сильные желания — это то, что породило меня и продолжает дарить мне возможность жить.

— … Стало быть, вроде бога или что-то в этом роде?

— Если это то, что ты думаешь, то, возможно.

Значит Маки-тян была богом.

Я почувствовал себя встревоженным. Если Маки-тян действительно была богом, то в чём смысл всех поклонников, которые я делал в храмах, со сжатыми ладонями? А если я всё это время лелеял не то дерево? Были ли все те боги, которых мы почитали, в действительности просто-напросто непостижимыми, девушками косплеершами?

— Итак, тогда… предположим, я желаю всё, что ты сделала для меня, уничтожить. Могла бы ты дать это желание?

— Я уже удовлетворила твоё желание, разве нет?

— Ага, но…

— Это было потому, что у тебя было сильное желание, которое я предоставила. Даже если ты захочешь чего-то ещё, поскольку твоё предыдущее желание не пошло хорошо, новое желание имеет мало шансов превзойти первое в силе.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но…

— Твой голос вялый, Юто. Слабый, как вода. Твои мысли и желания тоже слабы. Ты точно дышишь?

— Разве ты не сказала мне раньше, что я жив и здоров?

— Разве ты не слышал о том, что люди называют «живые мертвецы»?

— На самом деле это звучит действительно здорово.

— Это не так, ты бы не знал, был бы ли ты мёртв или жив. Может быть, ты мог бы назвать это время полумёртвым, полуживым?

— Что, типа кот Шрёдингера?

— Больше похоже на картину, сделанную в точный, решающий момент, когда Шрёдингер махнул молотком по черепу своего домашнего кота. Думаю, он выиграл Пулитцеровскую премию в этом году.

— Не делай ничего.

— Существа, которые наполовину мертвы и наполовину живы, так же холодны, как ложь, которую я только что сказала.

Для чего была здесь Маки-тян? Была ли она здесь, чтобы посмеяться надо мной за мою потерпевшую неудачу попытку умереть, и попасть в больницу?

Я посмотрел на её лицо, которое смотрело на меня у моей койки, и, конечно же, её рот изогнулся в улыбке. Но это не было насмешкой; скорее, это была спокойная улыбка. Тем самым сказав: «Продолжай делать что тебе хочется», — как будто меня выбросили из гнезда.

— Твой завтрак скоро будет здесь. Надеюсь, ты сможешь съесть его.

Впервые с тех пор, как я проснулся, я заметил, насколько я голоден.

Следующей вещью, о которой я узнал, был цвет, вернувшийся в мир, и Маки-тян ушла.

В тот день Сю и Нацуки пришли ко мне. Съев ранее лишь лёгкий больничный завтрак, я был рад получить от них торты и закуски. По-видимому, это была идея Нацуки.

— Сначала я была удивлена, — начала Нацуки. — Мы услышали, что ты шёл и упал на рельсы.

— Они сказали, что в целом ты невредим, поэтому я предположил, что тебе удалось проскользнуть к стене и прижаться, но оказалось, что ты остался прямо под поездом.

— Я вообще не помню, чтобы это происходило.

— У тебя потеря памяти? Ты в порядке? Возможно, ранее я сказала тебе что-то странное…

— Думаю, со мной всё будет хорошо.

Нацуки посмотрела на меня, и в её глазах стало ясно. Она вспомнила последний разговор, который у нас был, что означало, что перезагрузки мира ещё не было.

— Как долго я здесь?

— Не знаю, приятель. Я не спрашивал.

— Я встретилась с твоей мамой, но в основном она просто сказала нам дать тебе отдохнуть. Конечно, мы планируем сделать это. Она также позвонила мне поздно вечером, сказав, что ты ушёл и ещё не вернулся. Я не могла поверить, что из всех людей ты шастал бы всю ночь и упал на рельсы как раз к прибытию первого поезда.

— Юто, ты же… не пытался покинуть этот мир, не так ли?

— … Я действительно не помню.

Я покачал головой. Это была на половину ложь, на половину правда. Мои воспоминания о событиях прошлой ночи всё ещё были нечёткими, но я знал, что как только я прыгнул перед поездом, я подумал, что мир будет идеален, если я больше не буду в нём.

Несмотря на это, я всё ещё был жив.

Нацуки, возможно, путая сотрясение моей головы как признак того, что это причинило боль, спросила:

— Будет лучше, если мы уйдём?

— Нет, всё в порядке. На самом деле, я бы хотел, чтобы ты осталась, Нацуки. И ты, конечно же, Сю.

Нацуки улыбнулась, первая улыбка, с которой она дошла до больницы. Это была улыбка, которая заставляла меня чувствовать спокойствие в глубине моей души.

— Я рад, что ты хотя бы вспомнил нас.

— Конечно.

— Мы слышали от твоей мамы, что твои воспоминания своего рода могут быть спутаны, поэтому я некоторое время обсуждал это с Нацуки.

Нацуки и Сю переглянулись.

— Мы были обеспокоены тем, что ты забыл бы нас, поэтому мы хотели убедиться, что ты вспомнишь наши имена.

Так оно и было. Сначала я был озадачен тем, почему они действовали так напряжены, но на самом деле, факт был в том, что я, кто никогда не ходил поздно по вечерам, бродил до утра и почти выбежал на поезд. Ну естественно все они будут волноваться.

— Значит, я очистил ваши подозрения?

— М-м-м.

— Да, я рад, что с тобой всё в порядке.

После этого трое из нас посвятили себя пути, через поедание наших тортов и закусок.

Этот момент был тем, что я действительно мог назвать счастьем. Мы трое, шумные и живые, чувствуя, что мы будем держаться вместе навсегда, превзойдя любые беспокойства о том, кто где застрял, кто кого любил, кто кого ненавидел.

Я был, в некотором роде, полностью удовлетворён нынешней ситуацией.

— Я здесь просто для того, чтобы проверить вас.

Я было приготовился к прибытию доктора Маки-тян… и на тебе, это был обычный доктор. Как и она, он носил белый халат, но, в отличие от неё, от него действительно исходило ощущение специалиста.

После нескольких вопросов о том, как я себя чувствую, он осмотрел мои руки и голову. Казалось, серьёзных проблем не было.

Я лёг лицом вверх в койку и закрыл глаза.

Что мне теперь делать, — подумал я. Даже если я снова перезагружу и вернусь на платформу, где я прыгнул перед поездом — если только я не сделаю некоторые кардинальные изменения — результат останется прежним. Это я знал это основываясь на перезагрузках, которые я совершал до сих пор.

Мир станет идеальным, если я исчезну, но я не мог даже справиться со столь значительным.

Я услышал, как дверь в мою комнату открылась и открыл глаза. Как я и ожидалось, мир стал монохромным.

— Почему, чёрт возьми, ты теперь медсестра?!

Вместо того, чтобы нарядиться доктором, Маки-тян вошла одетая как медсестра.

— Я подумала, что было бы неплохо переодевать его время от времени. Он выглядит хорошо? Какой из них лучше, наряд доктора или медсестры?

— Мне всё равно, я в этом не разбираюсь!

Я немного повысил свой голос. В смысле, тут же был я, и было столько всего о чём стоило беспокоиться, а она прогуливается, как будто всё это — серьёзное дело. Она помещала меня в эти монохромные миры, просто чтобы заставить меня переживать, подумал я, и каждый

раз я вздыхал.

— Я просто хотела немножко поносить его… тебе не нужно так глядеть на меня.

Несколько секунд она дулась, прежде чем поняла, что да, она зашла слишком далеко и умоляюще обратилась ко мне с щенячьими глазами.

Я тоже знал, что проявлял незрелось, дуясь на подобное и оставаясь рассвирепевшим, поэтому я выпалил, извиняясь: «Прости, что накричал на тебя».

Следом, когда я закончил говорить, туманное выражение Маки-тян просветлело, словно выключатель был переключён: «Я тоже извиняюсь, Юто, я не знала, что одежда доктора тебе нравится больше, чем медсестры. В следующий раз я обязательно оденусь как доктор!».

Она полностью ошибалась, но поправлять её было бы той ещё занозой в заднице, поэтому я позволил ей ускользнуть.

— Твои друзья приходили в гости, так?

— Ага, так и есть. Они оба хорошие друзья. Я хотел бы быть с ними вечно, прямо как сейчас.

О. Так же, как это и было сейчас. В этом случае Нацуки будет по-прежнему любить Сю и не сможет рассказать ему о своих чувствах, и её болезнь будет продолжать ухудшаться. И я просто буду стоять, не в силах что-либо сделать.

Это была реальность, с которой я столкнулся в этот момент. В этом мире, который ещё не восстановлен, ни одна из моих проблем не была решена. Без кнопки я ничего не мог сделать, и, если бы я ускользнул, я не смог бы вернуться на правильный путь без перезагрузки.

Но я сделаю всё возможное, чтобы… э-э… я бы… а? Что мне сделать для этого?

— Маки-тян, раз уж ты бог, ты не можешь вылечить болезнь Нацуки?

— Она желает, чтобы это произошло? Даже если бы это было так, я никогда раньше не встречалась с Нацуки-тян, поэтому я не думаю, что я обязана исполнять её желания. Во всяком случае, этот мир, о котором мы говорим — это такой мир, который никто не может увидеть или войти.

Я не мог представить, что происходило в голове Маки-тян, чтобы она легкомысленно дала мне такой жестокий ответ.

Как бог, в ней не должно было быть никаких чувств, но она сидела здесь, смеялась и дулась, разве нет? Как она могла так бессердечно относиться к состоянию Нацуки?

— … … Эй, Маки-тян, в этом мире есть много людей, которые желают чего-то, правильно? Ты просто стоишь и тупо наблюдаешь за этими людьми?

— Ну, я всего лишь — вмешательство удачи.

— Имеешь в виду, что только люди, выигравшие в лотерею жизни, получат счастье?

— Что-то вроде того.

Разве это считалось божеством? Нет, подождите, она даже не утверждала, что сама она была богом. Но кто-то, кто родился от эмоций людей, кто-то, кто хочет исполнить желания — чем это ещё может быть, кроме как богом?

Даже если предположить, что она не была богом, скажем, например, что она была дьяволом, то, тем не менее, она по крайней мере удовлетворила одно из моих желаний, что сделало её, на мой взгляд, лучше, чем любого из богов, которым я бросал деньги в коробочки в храмах, но которые ни разу не сделали для меня ничего. Если Маки-тян должна был встретиться с Нацуки, она бы даровала ей желание? Должна ли Нацуки пожертвовать деньги в храме и попросить Маки-тян о услуге? Должна ли она молиться и всё такое? Кольцо колокольни храма? Где жила Маки-тян? Где её храм? О, возможно, я мог бы привести Нацуки в монохромный мир… а хотя, наверное, нет, поэтому, возможно, мне нужно было свести Нацуки и Маки-тян друг с другом, и у Нацуки есть желание. Кх… Я даже не мог оценить, насколько вероятно, это будет успешно. Мой мозг просто отказывался работать…!

— Юто, у тебя голова болит?

Каким-то образом, во время моей внутренней борьбы, мои руки достигли рычага моей головы между ними.

— Доктор сказал, что всё выглядит хорошо, правильно…? В моём гиппокампе.

— Это только то, что видно. Но если внимательно присмотреться, со своим сердцем, то ты увидишь, что твой гиппокамп повреждён.

— Но сканирование МРТ показало…

— Я просто предупреждаю тебя, что твой гиппокамп находится на грани разрыва. Ты ещё можешь использовать кнопку перезагрузки, но, если ты будешь продолжать перезагружать больше, когда уже сделал это столько раз, ты никогда не сможешь ничего запоминать или всё вспоминать, и просто станешь бездушной оболочкой человека, куклой.

— Бездушная оболочка… кукла…..?

— Юто, сколько прошлого ты помнишь прямо сейчас?

— … … Даже это трудно сказать прямо сейчас. Не то, чтобы я забыл обо всём, просто, когда я пытаюсь что-то вспомнить, у меня начинает болеть голова. У меня получится всколыхнуть свои воспоминания, когда поправлюсь. Я принимаю лекарства, так что всё будет хорошо, правильно?

Невинная атмосфера, которую ранее излучала Маки-тян, теперь почти исчезла, и её выражение заметно помрачнело.

— Твой мозг даже забыл тот факт, что он забыл прошлое. Он перво-наперво думает, что эти события никогда не могли произойти.

Карты, которые она держала в руках, были тем, что казалось мне воспоминаниями, фрагментами моего прошлого, о которых я не помнил. Мои воспоминания о Нацуки с того момента, когда мы были детьми, всё равно ушли.

— … Ну, это неважно, — пробормотал я, без намёка на то, чтобы поднимать какую-то вескую сторону.

— Юто…

— Неважно, если я не могу их запомнить, это похоже на то, что в первую очередь они никогда не происходили. Любая память, некогда по-настоящему забытая, даже не оставляет отпечатка, чтобы оставить след в памяти. В конце концов, я даже не помню, что я их забыл…

Это не имело значения, разве нет?

Достаточно дискуссий о моём отбрасывании прошлого; не было ли там будущего, которое мне нужно было бы сэкономить? Из-за этого, даже если идея о том, что всё, что я делал в прошлом, верна, по общему признанию, это явно не соответствует действительности, разве не верно, что они не были всеми ошибками?

Во всяком случае, я мог согласиться с тем, что есть вещи, которых я просто не мог достичь.

Хочешь золотой топор или серебряный топор? Какое счастье ты хочешь приобрести больше всего? … в конце концов, они — довольно-таки разные вопросы. Тем не менее, счастье, которое мой брат наверняка приобрёл с такой ловкостью, было тем, с чем мне трудно справиться. Это было всё, что имелось.

Медсестра Маки-тян улыбалась. Одетая в белоснежный цвет ангела. Или вместо этого вам следует звать её белоснежным богом?

Или, может быть, она была дьяволом, одетая в белое?

Нет, ничего из этого не подходит. Маки-тян была просто Маки-тян, ни больше и ни меньше.

Маки-тян была именно той, кем она была, и я не мог представить её ничем кроме этого.

Безупречное существо, воплощение самой чистоты.

Может быть, то, что я имел в виду под «идеальным и аккуратным», было этой девушкой, воплощением чистоты.

Если бы это было так, то это, возможно, сделало бы её самой жестокой из всех.

Наконец, я вернулся в школу в конце сентября.

— Хасидатэ Юто возобновит свою посещаемость в школе, начиная с сегодняшнего дня.

На объявление учителя мои одноклассники признали кивками головой. Я махнул им нетипично, отчасти из-за того самого.

— У нас есть ещё одно объявление. Сугита Нацуки-сан?

— Да.

Нацуки встала со своего места.

— Это немного иронично, что я уезжаю в тот день, когда Юто возвращается, но я хотела бы сообщить вам, что, начиная с сегодняшнего дня, я буду находиться в больнице в качестве стационарного пациента.

Услышав, что она сказала класс обрушился в хаос.

— Я прошу прощения за то, что об этом ничего не говорила раньше. Я болела в течение длительного времени, и мой врач сообщил мне, что пришло время меня госпитализировать. Это может занять длительное время. Может быть и надолго, но я обязательно вернусь.

Я вернулся к реальности. Да, это действительно так.

Причина болезни Нацуки оставалась неизвестной, и её трехмесячная судьба оставалась опечатанной. Подсчитав три месяца с середины июля… это означало, что ей остался всего один месяц, чтобы жить.

Что бы она сделала в больнице за этот оставшийся месяц? Неужели они всё-таки нашли способ вылечить её? Если так, она может это сделать.

Класс, не обращая внимания на её ситуацию, легко принял это заявление, сказав: «Замётано, сделай всё возможное», — и посмеялись на прощание. Только я знал правду. На первый взгляд она выглядела здоровой, но я знал, что ей недолго жить.

Вспоминая то, что я сказал Маки-тян, я подумал, продолжится ли этот последний месяц так, как это было сейчас.

Нацуки покинула школу рано, до полудня.

Когда занятия в школе закончились, Сю подошёл ко мне, сказав:

— Ты собираешься пойти к Нацуки?

— … … Ага.

Сю стоял в автобусе, направлявшемся в сторону больницы, глядя на улицу в тишине. Я тоже наблюдал за сменяющимся пейзажем. Мы всё равно никогда не любили излишне оптимистичный разговор, как правило связанный какой-то негласной нитью общения. Но сегодня даже это чувствовалось… слабым.

Мы спросили в регистратуре номер палаты Нацуки и направились в Стационарное отделение лечебницы для интернатуры. У Нацуки была отдельная палата.

Она ярко поприветствовала нас с полной улыбкой.

— Это смешно, — заметил Сю. — Ты что-то скрываешь от нас, Нацуки? Твоя внезапная госпитализация — это одно, но у тебя есть отдельная палата, с каких это порт ты действуешь так, как будто нет серьёзных проблем? Это странно.

— Ой, да ладно тебе, кого волнует…

Лёгкое увиливание, которое она щебетала в ответ, только поспособствовало его расстройству.

— Сомнений нет, ты больна, но я хочу знать, почему ты не сказала мне об этом? Разве мы не

друзья?

— … … Друзья. Правильно, мы друзья, да, — тон голоса Нацуки упал на ступеньку.

— Значит, раз мы друзья и всё, разве ты не думала довериться мне?

— Ну, Юто знал.

Беседа внезапно дёрнулась в мою сторону, и я полез подбирать ответ.

— Что это значит?

— Ах, ну, видишь ли… … в то время, когда я пошёл в больницу, я наткнулся на неё здесь, вот как я узнал об этом.

Это не кажется хорошей идеей раскрывать детали её болезни.

— Так значит, я был единственным, кто не знал. Итак, какой тебе поставили диагноз?

— По правде говоря, мы не знаем.

— Дайте мне передохнуть! Что вы делали за моей спиной всё это время?

Нет, это не то, что происходит, на самом деле.

Моё осведомление о болезни Нацуки было чисто случайным, и она скрыла бы это от всех, если бы могла. Думается мне, что она особенно старалась удержать Сю от раскрытия.

Смысл таков что Нацуки собирается умереть, всё так? В течении месяца?

Было ли так легко доверять другим, даже близким друзьям?

Кроме того, Сю был особенным для Нацуки.

— Ты ничего не знаешь, так что не распускай язык, говоря, что хочешь.

— Ага, ну вот поэтому-то я ничего не и знаю, потому что вы никогда не удосуживались рассказать мне.

— Да как я могла рассказать тебе об этом! Убирайся из моей палаты!

— Замечательно, так и сделаю!

Сю действительно покинул палату. Я посмотрел на Нацуки, которая выглядела так одиноко, оставленная позади и теперь прикованная к постели.

— Нацуки, мне жаль.

— Почему ты извиняешься?

Я не мог ответить на это. Я знал, что если бы меня не было, то мир был бы идеальным, но я не мог сказать ей об этом.

Я не хотел, чтобы наша дружба стала такой напряжённой. Я просто хотел, чтобы трое из нас остались друзьями. Нацуки, Сю и я были в наших пределах.

Чем больше я думал об этом, тем меньше это имело смысл в моей голове.

Мы сидели молча в течение десяти минут. Кто-то постучал в дверь, и Нацуки позволила им войти. Это был доктор Какитагава.

— Сегодня я привёл кого-то, кого я хотел представить Сугите-сан.

За доктором появился высокий мужчина. На нём была чёрная куртка и чёрный галстук, а его волосы были уложены профессионально, раскрытый острый взгляд…

— Знакомьтесь, Хасидатэ Тайси.

— Тайси!

— Хорошо выглядишь, Юто. Я не знал, что ты здесь.

— Сегодня Хасидатэ-кун станет моим помощником. Он также поможет найти лекарство от болезни Сугиты-сан.

Мой брат был здесь! Если бы кто-нибудь смог вылечить Нацуки, это был бы он.

Несмотря на то, что мы не встречались годы, я всё ещё видел смелость, расписанную у него на лице, и для меня это означало надежду.

Я ушёл на крышу с моим братом.

Последний раз, когда я приходил сюда, было время с доктором Какитагава.

На крыше было жарко, но я чувствовал себя невероятно свободным.

— Тайси, ты сможешь вылечить её, ведь так?

— Сколько доктор Какитагава рассказал тебе?

Я объяснил, что я знаю о болезни Нацуки, о том, какая у неё опухоль, которая повлияла бы на её пищеварительную и дыхательную системы, о существовании других людей с одинаковой болезнью, а также то, как лекарство ещё не было найдено.

— Первая смерть от болезни произошла вчера.

— Смерть? Имеешь в виду… …?

— Число пациентов растёт. Явных симптомов нет, поэтому диагноз часто приходит слишком поздно. Тот, кто вчера умер, был 30-летний офисный работник. Будучи совершенно здоровым, ему никогда не приходило в голову посещать больницу. Его, кашляющего кровью в своём доме, привезли сюда на скорой помощи и объявили мёртвым по прибытии. Только после того, как они провели вскрытие, были обнаружены признаки болезни. В ближайшем будущем будет больше пациентов. Жаль, что это смертельно.

— Нет… доктор Какитагава сказал, что найдёт лекарство… …

— Исследование всё ещё продолжается, и у нас есть понимание болезни, в определённой степени. Лекарство ещё не найдено. Мы можем замедлить прогрессирование заболевания, исследуя его симптомы, но это всё, что у нас есть на данный момент.

— Н-но, ты здесь, чтобы помочь найти лекарство, верно?

— Да. Но, принимая во внимание то, что я даже не дипломирован как врач, лечение находится за пределами моей юрисдикции. Самое большее, что я могу сделать, так это помочь при обследовании пациентов. Юто, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы обследовать Сугиту Нацуки и других ради того, чтобы найти ключ к разгадке. Затем я напишу отчёт и проанализирую данные. Это моя роль.

— Х-хорошо. Понятно.

Вроде как я уже упоминал ранее, мой брат был студентом колледжа и только второкурсником. Тот факт, что доктор Какитагава попросил о его помощи, несмотря на это, показал доверие, которое у него было касательно навыков моего брата. Просто зная это, вы могли бы сказать, что мой брат был невероятным.

Всё будет хорошо. Всё пройдёт прекрасно, ведь здесь был Тайси.

Чувство облегчения распространилось по моему телу.

Последнее, что я спросил до того, как мы расстались, был вопрос, который я давно хотел спросить, но у меня никогда не было возможности это сделать.

— Эй, Тайси.

— Что?

— Почему ты решил пойти в университет?

Он одарил меня той же смелой ухмылкой и ответил:

— Я хотел создать идеальный мир.

Вау, замечательно. Мой брат был таким же, как всегда, идеальным и аккуратным.

Позже в тот же день Тайси отвёз меня домой на его машине. Я не знал, но в какой-то момент он приобрёл водительские права и собственный автомобиль. Это был синий спорткар, подержанный, купленный задёшево у одного из его старшекурсников из колледжа. Мне подумалось что, когда он с лёгкостью управлял спорткаром, Тайси действительно был крут в самом простом образе жизни.

Обследования Нацуки продолжались. У неё брали кровь, и она практически каждый день находилась на антибактериальной капельнице.

— На этом всё, всё же я чувствую себя совершенно здоровой. Интересно, я должна сделать перерыв?

— Не говори глупые вещи.

Учитывая, что у меня нет какой-либо клубной деятельности, я навещал Нацуки в больничной палате каждый день. Хотя она казалась достаточно здоровой, я всё же не мог не заметить, что она становилась всё худее каждый день. Нет, как раз-таки это было не совсем так… это было

больше похоже на то, что я заставлял себя обращать внимание.

С тех пор Сю ни разу не навестил Нацуки.

— Мои мышцы практически распадаются от меня, в то время как сплю весь день напролёт. С прекрасной стороны это похоже на диету, но, тем не менее, я чувствую, что становлюсь бесформенной. Посмотри, теперь мои икры на ногах все мягкие.

— Не высовывай мне босые ноги из-под одеяла.

— О-о, стесняешься? Ты не должен думать о непристойных мыслях насчёт ног пациентки больницы.

— Н-нет, я…

— В самом деле думаешь о непристойных мыслях?

— О-ох. Что за чудачество…

— Ну, хорошо.

Попав в этот неловкий ход разговора, мне было трудно переходить к следующей теме. Это всё вина Нацуки.

Она вдруг выпалила: «Знаешь, я всё слабею с каждым днём».

— По какой-то причине внешне это действительно не отражается, но врачи сказали мне, что моя сила будет резко уменьшатся.

— Ну, думаю, у тебя опухоль. Они не могут провести операцию?

— Я тоже спрашивала об этом, они сказали, что не могут. Это не похоже на нормальную опухоль, это больше похоже на то, что все крошечные маленькие частицы усеяны повсюду, так что это не похоже на то, что ты можешь просто войти и удалить её.

— Даже так, они могли бы по крайней мере…!

— Это мой выбор. Если я умру, я предпочла бы уйти без шрамов.

— Не говори так.

— … Наверное, ты прав.

Её причина оставить её тело без шрамов, вероятно, связана с Сю. Вы можете сказать, что это было жестоко для неё произносить это мне, тому, кто когда-то признался ей, но, с другой стороны, я был единственным, кому она могла откровенно сказать о своей болезни.

Я молча произнес её слова, медленно переваривая их, не намереваясь никому рассказывать. Именно эти самые слова позже могут одарить меня расстройством желудка, но если это была моя роль, то пусть будет так.

Я увидел, как дверь в палату открыла щель. Маленькая девочка заглянула внутрь, глядя на нас с любопытством.

— Входи, Сэрина-тян.

По приглашению Нацуки ребёнок открыл дверь, разоблачая девочку, одетую в пижаму, которая походила примерно на третьеклассницу.

— Он твой парень? — спросила девочка.

— Неа~

Это больно. Впрочем, это правда.

— Она тоже пациентка? — спросил я.

— Ага… у неё та же болезнь. Она одна из тех детей, которых я спасла во время инцидента с пожаром на станции некоторое время назад.

— Агась! Нацуки-тян — герой Сэрины! Она была суперкрутой!! Она пошла и всё пш-ш-ш-ш-ш !!!!! С белой дымковой фигнёй!

— Дымковой фигнёй? А-а-а, с огнетушителем.

— Она была супергероем вот так вот!

— Ага, ну, я вроде как перевозбудилась.

Тогда пожар угрожал вырваться из-под контроля, поэтому неудивительно, что Нацуки пошла ввысь и вышла за пределы.

При этом она стала героем этого ребёнка.

— Меньшего и не ожидалось, — сказал я себе. Нацуки услышала меня.

— Ну чего?

— Разве ты не хотела стать супергероем? Думаю, ты сейчас такая и есть.

— Н-нет, подожди, я никогда не говорила этого, я не маленький мальчуган.

— О, да, ты преуспела.

— Нацуки-тян мой герой!

Столкнувшись с безграничным энтузиазмом Сэрины, Нацуки не могла не улыбнуться и кивнуть.

Наступил октябрь, и энергия Нацуки быстро уменьшилась. Количество странных машин, присутствующих в её палате медленно росло. Как правило, в течение определённого времени к Нацуки было прикреплено 2 IV.

Честно говоря, я был в ужасе.

Прежде, чем она была госпитализирована, она была олицетворением здоровья, и я всегда считал, что до тех пор, пока она будет оставаться в больнице, она добьётся полного выздоровления.

Теперь эта мысль казалась не более чем причудливым заблуждением, поскольку состояние Нацуки ухудшалось с каждым днём.

В палате было всё больше и больше людей, страдающих от той же болезни.

Похоже, что они собирали всех людей с болезнью Нацуки в этой больнице по какой-то причине.

Второй человек, который умер, был пожилым человеком в возрасте 82 лет, а третья жертва… не человек — домашний пудель.

Достигнув этого этапа вспышки, ответственные люди решили дать официальное заявление об этой загадочной болезни, через доцента Какитагава, который провёл пресс-конференцию. Мы с Нацуки наблюдали за этим эфиром из её больничной палаты.

— В настоящее время мы обсуждаем этот вопрос с Министерством здравоохранения, труда и благосостояния. Кроме того, мы в то же время изолировали вирус, который вызывает заболевание. Инфекционная способность этого вируса относительно низкая, и мы установили, что она неспособна к передаче воздушно-капельным путём. В некоторых случаях мы обнаружили, что передача была произведена путем прямого контакта, но эти случаи находятся в меньшинстве. В настоящее время в этой больнице есть 24 больных. Два человека скончались. Риск заражения кажется не связанным с возрастом или полом. Мы сотрудничаем с полицией в попытке определить происхождение болезни, но на данный момент наш главный приоритет — найти лекарство.

— Доктор Какитагава, я слышал, что вы являетесь специалистом в области биотехнологии, который в настоящее время работает в Университете Куга. Есть ли перспектива заниматься исследованиями в вашей области биотехнологий?

— Если мы сможем использовать биотехнологию для определения большого количества целей, то я уверен, что мы сможем работать с инструментами, которые у нас есть. Шансы кажутся незначительными, но мы всё еще изучаем эту возможность.

— Вы упомянули, что инфицированных людей очень много. Каковы способы передачи болезни?

— Это непонятно, эта болезнь обладает очень низкой инфекционной способностью. Изменяя окружающую среду и температуру, мы можем манипулировать её инфекционной способностью в возвышающем направлении. Это большой позор, чтобы говорить это, но это вся информация, которой мы располагаем до сих пор.

Доктор Какитагава на экране телевизора действительно излучал атмосферу врача со стороны правосудия, который сражался со всей своей силой против неизлечимой болезни. Это было частично связано с его заявлением о том, что риск заражения невелик, а также тот факт, что цель трансляции заключалась в том, чтобы попытаться уменьшить панику. Доктор был хорош в этом.

Нацуки сидела неподвижно, её глаза всё ещё были приклеены к экрану. Она не сказала ни слова.

В этот момент я услышал шум из зала. Открыл дверь, знакомый набор пижамы. Это была девочка, которая была здесь раньше, рухнув лицом вниз на пол.

— Сэрина-тян!

— Нацуки, позови медсестру!

— Поняла!

Когда я подхватил девочку на руки, перевернув её, чтобы облегчить ей дыхание, я заметил кровь на ладони. На моих руках была размазана кровь.

Маленькая девочка сильно кашляла в моих объятиях, и я успокаивающе потер её спину. Она выкашливала большое количество крови, смешанной с мокротой и кислотой желудка.

Сэрина продолжала кашлять кровью.

Теперь вокруг меня расплывался багрянец по всей кровати.

— Нет!!

Крик Нацуки вернул меня к реальности. Девочка всё ещё лежала на моих руках, кровь вокруг её рта.

В комнату ворвался врач и медсестра, оттолкнув нас.

Ощущение крови на моей руке отказалось исчезнуть.

Я сидел на складном стуле в больничной палате Нацуки. Нацуки бросилась к постели опустив лицо вниз, всхлипывая. У меня не было слов, чтобы утешить её. Мне потребовалось всё, что у меня было, чтобы держать себя в руках.

Нацуки продолжала плакать на кровати, её голос был приглушен подушкой. Казалось, она не собирается останавливаться в ближайшее время.

Просто воображая Нацуки в этом ужасном состоянии заставило моё сердце сжаться. Это оно? Вот как это пройдёт? Неужели её последние моменты будут наполнены кашлями крови и извиванием от боли? Почему это должно было произойти?

— … Я хочу умереть, — пробормотала Нацуки, её голос был хриплым от слёз. — Я бы предпочла передозировку целой кучей таблеток, чем умереть вот так.

— Не говори так. Доктор Какитагава и Тайси собираются найти тебе лекарство, несмотря ни на что.

— А что, если я умру, прежде чем они найдут? Мне страшно. Я просто хочу с этим покончить.

Нет. Всё было неправильно. Я знал, что это неправильно, но что я могу сказать Нацуки в такое время?

— Ясно. Скажи, Нацуки, ты помнишь, что случилось в начальной школе? Когда мы играли с тем второклассником в парке?

— … Ага, — она ответила, её лицо всё ещё лежало на койке, даже не повернувшись лицом к лицу.

— Ты выдала настоящую подачу по тому парню, чтобы защитить меня и второклассника Такеру. Я думал, что это величайшая вещь в мире. Я хотел стать таким, как ты. Той сильной Нацуки, которую я знаю, которая может продолжать жить.

— Юто, извини, но… тебе не понравится то, что я собираюсь сказать, — прервала Нацуки. Я наклонился вперед на своём стуле, надеясь уловить каждое приглушённое слово, которое покидало её рот.

— Ты не помнишь, что произошло после этого?

— А?

— Тот второклассник, Такеру, позже подвергся насилию со стороны своего настоящего отца. Человек, который пришёл забрать его, был старшим братом его отца, его дядей, который пришёл, чтобы спасти Такеру от его отца. Но мы добрались до дяди… Такеру увёз его отец.

— Это не справедливо.

У меня не было никаких воспоминаний о такой вещи, ни памяти о том, что такое когда-либо происходило.

— Через неделю после этого Такеру был передан в детский консультационный центр, за которым стали заботиться, и это был тот ещё скандал…

— … Я понятия не имел.

Я действительно не имел понятия. Я ничего не мог вспомнить.

Почему я не мог?

— Я не хочу влечь за собой плохие воспоминания. Я всегда сомневалась в себе, глубоко в моём сердце… почему я не могла спасти Такеру-куна в тот день? В то время я не могла узнать, что

произошло потом, и поэтому я никогда не могла раскрыть точные подробности событий, которые произошли позже…

Я молчал, просто слушая её.

— Возвещать об этой теме после всего этого времени так больно. Просто быть здесь с тобой и думать о том времени, болезненно.

Нет!

Я просто… совершенство… нет!

Я больше не заботился о себе. Всё, чего я хотел для Нацуки — жить в счастье.

Это всё, что мне нужно.

Но прямо сейчас я ни на что не годился.

Я даже не мог её успокоить…

Несколько дней спустя я убедил Сю посетить больничную палату Нацуки. Однако, когда мы добрались туда, нас встретила табличка [Без посетителей], прикрепленная к её двери. Мы сидели в зале ожидания гостей, играя на наших мобильных телефонах, чтобы убить время. Табличка [Без посетителей] дала мне плохое предчувствие, но я не мог заставить себя поверить своим словам.

Прошло около часа, к нам подошла медсестра.

— У неё стабильное состояние, так что доктор разрешит вам поговорить с ней, но только по-быстрому.

Я сжал кулак. Не поддаваясь взглянуть прямо на её лицо, я направил свой взгляд в пространство над ней.

Что я делал? Ничего не изменилось. Я ничего не делал, но стоял спокойно и смотрел.

Я должен был хотя бы уберечь Нацуки от этой боли.

— Сю, — мне с трудом удалось выдавить слова из моего горла. — Я знаю, что Нацуки призналась тебе. И я знаю, ты ответил, что хочешь, чтобы мы втроём остались вместе. Так что, Сю…

— Что?

— Я хочу, чтобы ты ответил на чувства Нацуки.

— Но я хочу, чтобы мы трое…

— Нет! Это другое! Я никчёмный! Ты — тот, кого она хочет, Сю. Ты собираешься просто смотреть за её борьбой со своими чувствами к тебе, когда она… отдаляется? Она важна для тебя, разве не так? Я знаю какая она из себя. Так что, Сю… я хочу, чтобы ты принял её чувства.

— … Ты согласен на счёт этого, Юто?

— Я хочу, чтобы ты это сделал. Прошу.

Сю осторожно взял руку Нацуки, ту, в которой не было капельницы. Её рука протиснулась со спины.

— Сю… наверное, у меня всё еще есть чувства к тебе.

Он ответил, его взгляд никогда не отклонялся от лица Нацуки:

— … Я тоже. Я, наконец, признаюсь в этом, ты мне нравишься. Сильно.

Всё в порядке, я в порядке на счёт всего этого, я убедил себя.

Я вышел из палаты, изо всех сил стараясь не издавать звука.

Нацуки и Сю любили друг друга, а я был всего лишь язвой. Мы были друзьями, но мы не могли идти тем же путём, что и раньше.

Я совсем не возражал. Это был ещё один ответ, который я искал всё это время.

В конце концов, в тот день, когда мы с Сю побывали у Нацуки, с самого начала я всего-то вышел из её палаты и провёл остаток времени сидя в одиночестве в зале ожидания гостей. Я хотел дать им время для самих себя.

Я не знал, что они говорили или делали в это время. Те потраченные минуты, скрываемые от моих глаз, были отодвинуты в сторону, чтобы Нацуки как можно дольше наслаждалась тем, что у неё осталось.

Я сидел на диване в зале ожидания и возился со своим мобильным телефоном.

Что это было?

Почему я так горько себя чувствую, чёрт побери?

Я думал, что всё, что мне было нужно для Нацуки — быть счастливой. Чтобы Сю был счастлив.

Твою мать, твою мать, твою мать, твою мать.

Я мог чувствовать, что слёзы угрожают пролиться.

Больно. Мне было так больно. Моя голова, мои глаза, горло, сердце, живот, ноги, кончики пальцев, все они причиняют боль. Болит так сильно, что я просто хотел лечь на диван и позволить себе впасть в дремоту.

Я поднял колени к груди и почувствовал, как мокрая слезинка просачивается сквозь ткань.

Мои слёзы не останавливались. Я провёл рукой по глазам, чтобы вытереть их снова и снова, но они не прекращались.

Я прижал ладонь к моему рту.

Звон в моих ушах упорно продолжался. Звук не позволял мне ясно мыслить.

Я чувствовал, что все мои эмоции растекаются… я хотел кричать, даже если бы люди смотрели на меня, словно я был сумасшедшим. Я хотел кричать и колотить руками по всему залу больницы.

«Я хочу, чтобы кто-то посмотрел на меня».

«Пожалуйста, посмотрите на меня», — хотел я крикнуть.

Я хотел, чтобы кто-то понял… увидел, как, независимо от того, сколько раз я перезагружал, совершенство было ещё недоступно; каким образом я не мог даже найти своё счастье… я хотел, чтобы кто-то понял мою боль.

Послушайте меня.

Посмотрите на меня.

Поймите меня.

Это было не что иное, как мой собственный эгоизм, истерика, устроенная маленьким мальчиком внутри моей головы.

В конце концов, я был огорчён. Неважно что я делал — я всё ещё чувствовал себя огорчённым.

Помогите мне. Кто-нибудь, спасите меня от этой судьбы.

Я просто хотел быть счастливым.

Я нравился сам себе.

Мне нравилась Нацуки… любил её.

Мне нравился Сю. Они мне нравились.

Их счастье должно было быть моим спасением.

Нацуки была счастлива, Сю был счастлив. Это было моё единственное желание, но…

Слезы били через край и всё равно не останавливались.

Наконец, пришло время.

Было около полудня, в понедельник.

Мы с Сю оба были в классе, как обычно, когда завуч бежал по коридору и ворвался в дверь:

— Я только что получила известие от её матери, Сугита Нацуки скончалась.

Мы с Сю встали, прежде чем завуч закончил своё предложение. Мы взяли наши сумки с кошельками внутри и практически вылетели из класса. Мы оба знали, ничего не говоря, что мы направились в больницу.

Поездка на автобусе была мучительно медленной. Я видел, что Сю дрожит. Я никогда в моей жизни не видел его настолько возбуждённым.

Мы бросились в больничную палату, только чтобы найти, что койка была пуста.

— Юто! Я собираюсь отправиться в одно из мест.

— Хорошо. Вот, возьми его.

Я бросил ему кошелёк. В наших кошельках, как правило, хватит денег, чтобы взять такси. Сю взял кошелёк и кивнул, после чего выбежал.

Мне пришло в голову, когда я смотрел, как он уходит, что это будет стоить столько же, сколько для нас обоих, чтобы мы оба сели на одно и то же такси, нежели если он возьмёт такси один. Даже в такие моменты мне удавалось быть идиотом.

Я действительно был идиотом.

Я молча смотрел на незанятую койку. Простыни были свежими, поэтому никаких следов того что кто-то был здесь не было.

Неужели Нацуки скончалась, не чувствуя боли? Или она сильно неистовствовала, кашляя кровью?

Я молился, чтобы это был первым.

— Уу… гх….. ..Нацу…ки.. …уа-а-а……На…цуки…

Я обнял колени, сжав грудь, подавляя свои рыдания. Затем я наклонился и положил голову на койку, и стал кулаками бить матрас.

Как я мог позволить этому случиться? Почему Нацуки должна умереть?

Почему?!

— … Юто-кун.

Я услышал я голос позади меня. Я ответил, даже не оборачиваясь.

— … Доктор. Какитагава… Вы сказали, что спасёте Нацуки…

— Мне жаль.

— Тайси и вы… оба…

— Ты действительно думаешь, что не имеешь к этому никакого отношения?

— … Извините? — на неприятный вопрос доктора я поднял лицо, покрытое слезами.

— Ты действительно не имеешь никакого отношения к действиям Хасидатэ-кун?

— Что вы имеете в виду?

— … Мне нужно поговорить с тобой. Время неудачное, но, пожалуйста, вытри слёзы и пройди со мной на крышу.

Я кивнул, вяло.

На крыше был небольшой ветер. Ясное осеннее небо простиралось далеко выше меня.

Доктор подошёл к перилам, которые замыкали крышу, и опёрся на них.

— Не возражаешь, если я закурю?

У меня не было сил ответить.

— Смерть пациента всегда заставляет меня хотеть курить.

Он поджал губы и наклонил голову, пуская дым в воздух. Для кого-то, кто сказал, что ему нужно было поговорить со мной, он, похоже, не выглядел так, будто он спешил что-то сказать.

Моё терпение становилось всё тоньше. Нацуки была мертва, а он просто хотел стоять, как будто это не его дело?

— О чём вы хотели поговорить? Если вам нечего сказать, я бы хотел пойти домой.

Его лицо внезапно задумалось, и он вздохнул, прежде чем заговорить тихим, но отчётливо слышимым голосом.

— Тот, кто создал вирус… был я.

— Что?!

Я не понял.

— Ч-что вы…

— Вирус, который вызвал жертвы, был создан в моей лаборатории.

Он спокойно потушил сигарету о свою переносную пепельницу.

Вся кровь внезапно хлынула мне в голову, и я бросился на доктора Какитагаву.

— З-зачем вы заразили Нацуки им? Зачем? — потребовал я, глядя на него.

— Мне правда жаль. Извинение не решит проблему, я знаю… Но я знал, что рано или поздно мне придётся взять на себя ответственность. На самом деле, я должен спросить тебя.

— Чего вы хотите?

— Пожалуйста, останови Хасидатэ Тайси, прошу, останови своего брата.

— А?

О чём он говорит?

— Почему его?

— Он обманул меня. Нет, он обманул всех. Я намеревался умыть руки, чтобы уничтожить весь эксперимент. Но затем он… он получил…

Когда он заговорил, я увидел, что его сила воли сломалась, как плотина в её точке прорыва. Его голос дрогнул.

— Этот вирус был создан совершенно случайно…

Я стоял в тишине, ожидая услышать, что он скажет дальше.

Из того, что я мог сказать, сначала это был просто эксперимент по созданию вируса с низкой инфекционной способностью. Для него это был просто чем-то вроде диссертации, совершенно бесполезный и предназначенный, чтобы впоследствии от него избавились, но затем «Danan Pharmaceutical», одна из крупнейших американских фармацевтических компаний, попросила провести совместные исследования с лабораторией доктора Какитагавы. Дарственные деньги затрудняли работу его борющейся лаборатории, чтобы отказаться от этого предложения.

Сначала исследования проходили гладко. Однако выяснилось, что целью Danan было создание вируса с низкой инфекционной способностью, но с высоким уровнем смертности — более 90%. Они хотели использовать его в качестве биологического оружия с целью убийств. Наиболее тревожной частью была его низкая инфекционная способность: для того, чтобы он заразил кого-то, температура должна была быть повышена до довольно высокого уровня, а исследование показало, что малейшая ошибка в окружающей среде не позволяла вирусу распространяться, несмотря на прямой контакт.

В это самое время мой брат начал появляться в лаборатории доктора Какитагавы.

Доктор, загоревшись в перспективе такого рода, взял идеального студента под своё крыло и доктор тут же стал ему доверял.

— В первый школьный день кто-то в школе умер. В ту ночь я планировал получить вирус и все данные, связанные с ним из школы, и избавиться от него где-то в безопасности. Я не хотел копать под себя ещё глубже.

— Таким образом, Тайси имеет отношение к…

— Я не умею водить машину, поэтому я попросил его помочь мне перевезти его, но… он предал меня и ушёл с вирусом.

— Подождите секунду. Тайси никогда бы не сделал ничего подобного.

— Ты можешь думать так, но он единственный, кто мог это сделать, насколько я знаю. Он взял его и убежал, как-то ускользнув сквозь мои пальцы.

К тому времени доктор Какитагава потерял самообладание. Он вытащил ещё одну сигарету, несмотря на то, что только что закончил с одной, и попытался её зажечь. Ветер, должно быть, поднялся совсем немного, потому что его зажигалка продолжала гаснуть. В конце концов, ему удалось зажечь сигарету, дрожание рук заставило пламя чуть-чуть мерцать.

Если бы Тайси был предан и загнан в угол, он всё равно не потерял бы самообладание, подумал я про себя.

— Ты помнишь пожар, который вспыхнул на станции, когда люди были внутри?

Конечно, я помню. Я был там.

— … Это было его дело. Он создал эту ситуацию, чтобы заразить людей внутри. Он заставил станцию стать воздухонепроницаемым контейнером и, используя взрывчатку, вызвал пожар, чтобы поднять температуру внутри. Это были оптимальные условия распространения вируса. Затем он позволил вирусу пойти внутрь.

— Нет, вы не можете быть…

— В тот день каждый человек с болезнью тоже был пойман в ловушку в вестибюле.

— Э…?

Это имело смысл. Там были Нацуки и Сэрина-тян.

Но это не обязательно означает, что…

— Мы собрали всех жертв в этой больнице. Разумеется, когда выяснилось, что причиной был этот вирус, было отправлено полицейское и контртеррористическое подразделение, чтобы попытаться найти источник вспышки. Я не хотел вызывать панику на пресс-конференции, поэтому я не раскрыл всё, но мне стало ясно, что в конечном итоге, что твой брат и я будем разоблачены как создатели. Это неслыханно, даже немыслимо для студента японского университета, чтобы совершить такие акты биотерроризма самостоятельно. Естественно, меня не обойдут стороной.

Но…

— Но в тот день Тайси знал, что я собираюсь быть на станции. Он бы никогда не подумал распространять там вирус. Если бы он действительно был вовлечён в этот теракт, он бы остановил меня от поездки на станцию.

— Значит ты не очень хорошо знаешь своего брата.

Ха…?

Что он пытался сказать?

Я не очень хорошо знал своего брата?

О чём, чёрт возьми, ты думаешь, тогда что ты знаешь о нём?!

Я хотел накинуться на него, накричать ему в лицо, но мне удалось сдержаться.

— Хасидатэ Тайси… твой брат… девиант, — он повернулся ко мне лицом, его глаза не были сфокусированы. — Пожалуйста. Останови его. У него есть козырь в рукаве. У него до сих пор есть этот вирус. Я больше ничего не могу сделать…

Остановить его, он сказал?

Доктор Какитагава рухнул, присев, словно его воля была сломлена. Я посмотрел вниз, задумавшись.

В этом не было смысла.

Никакого смысла.

Что Тайси должен получить от распространения этой болезни?

Не было никакого мотива.

Но если всё, что сказал доктор, было правдой, то Нацуки заболела в тот день на станции. Если бы я не попросил её встретиться со мной на станции… нет, этого было недостаточно. Если я не сделаю что-то, чтобы сорвать инцидент в целом, ход истории просто вернётся к тому, что происходит сейчас.

Думай. Хорошенько подумай.

— Но, если я снова перезагружу… с другой стороны, Нацуки… — я пробормотал про себя, моя голова свисла.

Доктор Какитагава умоляюще посмотрел на меня.

Под этим ясным, солнечным небом сильные ветра избивали крышу.

Мой разум вот-вот сломается, в соответствии со всеми перезагрузками, которые я совершил. Неужели это просто перестанет работать?

Помимо этого, было небытие.

Дни, заполненные пустым пространством, пролетали, разваливаясь один за другим, когда моя жизнь разворачивалась в моей голове.

Ничего не помня, ничего не вспоминая… просто пассивное существование, пустотелый человеческий контейнер.

Это было страшно, но Нацуки была…

Нацуки была мертва.

Во всех моих воспоминаниях Нацуки улыбалась. Эта улыбка была для меня, как друга. Даже при том, что мне хотелось гораздо больше.

Я хотел, чтобы она продолжала улыбаться. Если бы я помог Нацуки и Сю жить в счастье, тогда моя собственная жизнь была небольшой ценой.

Я уже умер в тот день, на станции.

Если бы мне пришлось отдать свою жизнь, чтобы спасти Нацуки, то пусть будет так.

Я сжал руки и глубоко вздохнул, а затем повернувшись лицом к небу я закричал:

— Маки-тян!

Она же меня услышала? Она точно была там?

— Меня не волнует, если я пробью каждую клетку мозга, которая у меня есть! Я хочу перезапустить ещё раз!

Не имело значения, перестанет ли мой мозг работать после этой перезагрузки. Я бы восстановил свою жизнь в последний раз с каждой каплей силы, которую я мог собрать.

Это уже не имело значения.

Я достал кнопку перезагрузки и держал её над головой.

Маки-тян, спасибо за совет. Благодарю тебя за то, что ты дала мне кнопку перезагрузки.

Я использую силу, которую ты одолжила мне, силу моего желания, чтобы спасти моих любимых друзей.

Я открыл глаза, глядя прямо на небо. Один палец нажал на кнопку.

——Перезагрузка.

Мир дрогнул. На этот раз он дико наклонился взад и вперёд, и моё видение увеличилось, слои скользят друг над другом.

— Знаешь, это последняя игра, — сказала Маки-тян. Её голос отражался в воздухе.

http://tl.rulate.ru/book/6820/130191